

ПРАЙМ - ТАЙМ

ГУЛЯЩИЙ, КАК КУПЕЦ,

Однажды после очередной пьянки он проснулся в Останкино. И его **похмельем** стало ТВ. Там он был стажер, новичок, **белая ворона**. Слишком нетрадиционно и **вызывающе** смотрелся он на экране, контрастировал с положительно вылизанными героями — ведущими популярных программ. Воеводина никогда **не был положительным** героем. Зато на него всегда можно было положиться.

...Когда Воеводина работал в газете, я его смущенно пугалась: слишком он был велик и физически, и **профессионально**. Попасть в его поле зрения было неизбежно — ни одна хорошенькая женщина его не миновала.

Наше пристальное знакомство из серии — как обидно, если я обманулась! и благодарение Богу, если интуиция не подвела.

...Перед тем, как я включила диктофон, он вздохнул:

— Ты меня про **баб** спросишь или про **пьянство**? Я удивилась: — А ты про что хочешь?

Он снова вздохнул: — Я могу, конечно, и про это, но, кажется, уже ничего нового не расскажу. Ко мне часто приходят семнадцатилетние девушки и, поболтав на животрепещущие темы, на десерт спрашивают: «Вы — **сексуальный** маньяк?».

...Воеводина **любит** женщин, именно поэтому не бросается на них как стаффордширский терьер. Воеводина **не пьет**: просто потому, что этот период своей жизни хочет прожить трезво.

— **Игорь, как ты, такой человечище, вмещаешься в узенькие рамки телевидения?**

— А уже никак не вмещаюсь. Я — вольная птица. Хочу полета, неограниченного сеткой или рейтингом. (Этот «зверь» — рейтинг — на ТВ будет похлеще цепного пса. Никто его в глаза не видел, но как тявкает! — прим. Ю.А.). И не хочу (во всяком случае, в ближайшее время) возвращаться в телевизор, не хочу участвовать в шоу.

— **Почему же? «Частный случай», как и другие твои телевыплотнения, щекотал телезрительские нервы.**

— Думаю, что эта программа в том виде, в каком я ее вел, долго не просуществовала бы (несмотря на то, что ее запихнули в самое темное время). Я прекрасно понимал, что мои дни в ней сочтены, но предполагал, что продержусь несколько дольше. В этой программе, как и во всем моем телетворчестве, для меня самым притягательным были человеческие исповеди. Я сознательно провоцировал их в телеэфире. Во «Времечке» эта идея возникла в форме людских рассказов о проблемах и неурядицах. В «Частном случае» (этот телевизионный период мне особенно дорог) я возвел эту идею в абсолют: показывал сюжет на какую-то достаточно острую социальную тему (например, о ядерных испытаниях) и включался в прямой телефонный диалог с теми, для кого эта тема была болью. Нигде в мире, ни в одной стране нет программы, где без предварительного отбора, без всякой редактурной звучали бы исповеди. То, что люди доверяли мне свои грехи и свои чувства, — для меня самое уникальное. И для меня объяснимо, почему телевизионные начальники этого боялись.

— **Ты был бы незаменимым сотрудником телефона доверия.**

— А это и был телефон доверия — только в телеэфире. Часто я выходил из студии, словно перепив-

ЖИВУЩИЙ, КАК ПИРАТ,

... Мне нравится, как он идет по улице. Не заметить невозможно. Дело не в теле, не в комплекции то есть, важно, как он несет себя — с высочайшим достоинством.

или Как я была беременна Воеводиным

ший людской боли. Самые искренние мои доброжелатели говорили мне: «Ставь стенку между собой и звонящими. Ты не должен сам быть открытым, ты не священник, ты — телеведущий!». Но если бы я стал телеведущим — отстраненным слушателем чужой боли, мне перестали бы доверять мои зрители. А они для меня важнее начальников.

— **Ты мог бы сам позвонить в «Частный случай» и исповедаться?**

— Я не звонил, но я это делал чуть ли не в каждом выпуске. И не ощущал себя священником. Какой из

Дело не в теле

меня священник! Я грешник, и поэтому я искренне сопереживаю чужим грехам. В эфире я словно брал их на себя.

— **Тебя не удивляет, что с твоим имиджем «плохого мальчика» люди тебе открываются?**

— Понимаешь, каждый, наверное, считает, что он — белый и пушистый, а сейчас просто болеет. Я не очень хорошо понимаю смысл слова «плохой». У каждого человека, даже у законченного подонка есть душа. И она страдает. А значит, есть потребность излить душу. Наше телевидение — не про нас. Оно — про каких-то избранных или придуманных людей. На нашем телевидении нет программ про маленького человека и для него. А мне именно такие программы и интересны, я всегда был социальным журналистом. Вот этот мой «имидж» действительно не вписывается в насквозь пропитанное «развлекухой» ТВ.

— **Телетусовка не приняла тебя за своего?**

— Комплекс изгоя идет со мной по жизни с самого детства. Я всегда ощущал себя сломом в посудной лавке. На телевидении — особенно. В газете — проще: там больше талантливых людей, и они воспринимают тебя адекватно твоей одаренности. На телевидении каждый осветитель — Феллини и

Воеводина — не только больших размеров, но и большой души человек. Наши теплые с ним отношения зачинались еще лет пять назад, когда Воеводина блистал на газетных полосах, был заводилой бесконечных кутежей и авантур, которые всегда превращались в пьянку и обнажали тоску в его глазах.

Воеводина на вручении Международной премии Ассоциации иностранных корреспондентов в России за свой первый документальный фильм «Остров Стадкий» о приговоренных к пожизненному заключению.

беременна Воеводиным

Мастроянни. Сначала я никак не въезжал в эту дутую крутость, потом — стал уговаривать: «Я понимаю, что вы Феллини, но побудьте осветителем минут 15, а потом снова будете Феллини». Если по-другому с ним говорить, то он смертельно обидится и не будет работать.

— **За пять лет работы на ТВ почувствовал ли ты себя Мастроянни и обрел ли своего Феллини?**

— После первого телеэфира я вышел из студии на ватных ногах в полной уверенности, что все провалил. Из аппаратной вылетел первый шеф «Времечка» Дима Дибров и выкрикнул мне: «Будешь звездой! Первые полгода народная любовь будет безгранична». Я благодарен ему за то, что он меня ломал, за эти его слова, в которые я поверил и которые сбылись ровно в предсказанные сроки.

Звездная болезнь меня тоже не миновала. На телевидении ее практически невозможно избежать. За десять лет работы в газете я дал два автографа, через месяц тележизни я уже вовсю расписывался на улицах. Был период, когда у меня крыша поехала, и я возомнил себя корифеем. Но, слава Богу, и это прошло: я понял, что телевизионная популярность — дешевле не бывает.

Что касается «своего Феллини»... У меня был «свой» оператор — Вадим Юзов, мы одинаково смотрели на мир. Мы снимали документальное кино: летали над непролазной тайгой на гнилом вертолете, который каждую минуту был готов грохнуть, и не думали о том, сколько нам за это заплатят.

— **Самое обидное ругательство, какое ты слышал в свой адрес?**

— То, что сыплется на твою голову во время эфира, не запоминаешь: ты стремительно реагируешь на звонки, весь в эйфории прямого эфира. А вот критику в прессе я всегда воспринимал болезненно. Когда «Времечко» только набирало обороты, только ленивый его не ругал. Особо «отличалась» «Независимая газета», назвавшая меня «хамом трамвайным». Мне везло как утопленнику: я всегда оказывался в программах, которые были пасынками.

— **Ты ушел с ТВ, потому что не мог реализовать то, что хотел, или по зову души?**

— С телевидения я ушел мирно, сохранив дружеские отношения с нормальными людьми — не с тем телевизионным дерьмом, которое ставит деньги во главу угла, и не с теми, кто 24 часа в сутки смотрит на себя в зеркало. С профессионалами, а они на нашем ТВ — редкость. В основном это люди, прошедшие Авторское телевидение.

...Я взял тайм-аут. У меня сложный период сейчас: между 37-ю и 38-ю годами, когда что-то меняется в жизни мужчины. Многие не смогли перейти этот рубеж. Я хочу оглянуться назад, убедиться: все, что я делаю и задумал, — правильно. Меня волнует в жизни не только телевидение: я снял два документальных фильма, через месяц книжка выйдет «До и после «Времечка», в которую я собрал самые веские свои тексты, — в ней ни слова о телевидении. Я — суеверный, не буду посвящать в свои замыслы. Ты же знаешь (как журналист), что идею надо выносить, пока она сама в один прекрасный день не выплеснется на бумагу. Сейчас я беременен.

— **Что, кроме телевидения, не удовлетворяет тебя в нашей жизни?**

— Мне вообще не нравится устройство мира как таковое. Может быть, это банально, но больше всего меня раздражает катастрофическое общее падение нравов. Вот я ждал тебя на улице, а рядом две бабы, торгующие книгами, орали друг на друга черным матом. Мне так неудобно стало: они ведь книги продают, а не водку. На каждом шагу я ощущаю, что сегодня убить человека — плевое дело. Ежедневно вижу какие-то разборки: люди рвут глотки, источают ненависть, заколачивают друг друга. Иногда я сам борюсь с желанием кого-то растерзать. Я чувствую, что живу в волчьей стае в катастрофическое время: происходит конец света — не обязательно материальный, но очень большие сдвиги в душе.

...Его душе покоя нет. Она ежеминутно ноет и зовет Воеводина, куда глаза глядят. Сегодня они глядят в Скандинавию, на родину предков. В другом столетии предки Воеводина были норвежскими пиратами. А прабабка по материнской линии — из известной купеческой династии. Воеводина читает свою историю, мать родную: гуляет широко — как купец, живет скандально — как пират.

Терзала Воеводина
Юлия АЛЕКСАНДРОВА